

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 316.423.3

А. В. Иванов

г. Саратов, Россия

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И РЕВОЛЮЦИЯ 1917 года*

*Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ
научного проекта № 15-33-12009

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются основные характеристики российской политической культуры в период Русской революции. Культура играет значительную роль для понимания революции наряду с другими историческими, социально-экономическими, политическими условиями и конфликтами. Россия является носителем уникальной политической культуры, включающей себя стереотипы мышления, коллективные верования, а также всю совокупность исторического и культурного опыта. Исследование институционального и символического контекста позволяет более глубоко осмыслить опыт российской революции, ее связи с раннесоветским периодом, а также современной исторической памятью о революции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Первая мировая война, Русская революция (1917-1922), политическая культура, революция, социальная память, социальный конфликт, насилие, диктатура.

A. V. Ivanov

Saratov, Russia

RUSSIAN POLITICAL CULTURE AND THE REVOLUTION OF 1917

ABSTRACT. This article examines the main characteristics of the Russian political culture during the Russian Revolution of 1917. Among many factors that affected the revolutionary transformations in Russia, the most important are: historical legacy, culture, political and social conflicts, and, ultimately, the economic conditions of life faced by the majority of the population. Russia possesses a unique political culture, which includes society's customary way of life, comprising both accepted modes of thought and belief, patterns of conduct, and a cultural heritage. An analysis of the institutional and symbolic contexts of Russian revolution advances our understanding of Russia's experience of revolution, its relationship to the early Soviet period, and the complex memory of revolution existing today.

KEYWORDS: First World War, Russian Revolution (1917–1922), political culture, social memory, social conflict, violence, dictatorship.

События революции 1917 года и гражданской войны в России продолжают оставаться предметом напряжённых исторических и общественных дискуссий [1]. Одна из причин такого положения дел кроется в специфических особенностях революционного процесса, в том, что линии противостояния в кризисном обществе проходят не только вдоль классовых или идеологических размежеваний прошлого, но затрагивают глубинные пласты социо-

культурного бытия и исторической памяти будущих поколений.

Общепризнанным в отечественной историографии считается утверждение о существовании в качестве своеобразного социо-кода нации с её специфическим соотношением эмоционального и рационального первоначала. Подобное утверждение отсылает к поиску причин уникальности российской политической культуры, самобытность которой нередко трак-

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

туется как постоянное воспроизведение в ней архаических глубинных пластов, предполагающих два возможных направления развития общественных систем: традиционализацию и модернизацию [3], [4], [5]. Циклическая логика российской истории закономерно подводит к выводу о том, что конфликт «архаики» и «современности», рассматриваемый в качестве проявления амбивалентности российской политической культуры, предполагает, что на обнаружившую себя кризисную ситуацию личность и общество отвечают либо инновационной идеей, либо апелляцией к привычным стереотипам, почерпнутым из глубинных основ коллективного опыта. Соответственно, направления эволюционных или революционных процессов кроется в трансформации символического наполнения национальной ментальности в условиях переживаемого социального кризиса.

Причины, ход и результаты революции 1917 года можно интерпретировать на различных уровнях исторического анализа. С макроисторической точки зрения Русская революция 1917 года стала возможной в результате обострения двух групп противоречий. Во-первых, динамичное экономическое развитие подорвало основы традиционной социальной структуры и привело к масштабному перераспределению богатства и возникновению новых экономически значимых социальных сил. Во-вторых, экономический прогресс и вызываемая им фрагментация общества привели к резкому ослаблению государственной власти в стране, упадку тех нормативных регуляторов, которые обеспечивали легитимность традиционного политического порядка. По мнению Б.Н. Миронова, для трансформации системного кризиса в революционную реальность потребовались дополнительные ситуативные кризисные факторы: (1) крупное военное поражение или неудачная кровопролитная война; (2) системный экономический кризис; (3) сочетание того и другого [2, с. 110]. Как полагает Т. Скокпол, «Уникаль-

ность социальных революций заключается во взаимообусловленности и одновременности фундаментальных изменений в общественной и политической структуре. И эти изменения происходят путем интенсивных социально-политических конфликтов, где классовая борьба играет ключевую роль» [9, р. 137]. Согласно этой теории Джека Голдстоуна, революция возможна как совпадение целой группы критических условий: 1) масштабный государственный экономический кризис; 2) значительное расслоение элит, включающее конфликты за привилегированные позиции; 3) высокий потенциал мобилизации различных групп населения по причине роста социального недовольства. Сочетание этих трех условий создаёт предпосылки для влияния радикальных политических партий и движений, фокусирующих лидеров и организации на антигосударственной деятельности. Данная группа факторов, по мнению Голдстоуна, тесно связана с демографическими и внешнеполитическими условиями, когда интенсивный рост населения в условиях экономического кризиса и неэффективных государственных институтов еще больше дестабилизирует ситуацию в стране [8, pp. 23-24].

Не менее значимыми для понимания внутренней логики трансформационных процессов являются ментальные и социокультурные факторы. В ходе революции 1917 г. происходила эволюция массового сознания «низов», изменение его содержания в направлении возрастающей радикализации, увеличения удельного веса эгалитаристских установок, определяющих приоритет ценностей социальной справедливости общинно-уравнительного типа. Мозаичность, радикальность и утопичность духовного мира человека в предреволюционный период становится неизбежным катализатором распада нормативных и институциональных структур традиционного типа. Военная мобилизация огромных людских ресурсов, беспрецедентные масштабы гибели людей на фронтах Первой мировой войны не могли не

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

вызвать изменений в оценке пределов и допустимости насилия, ценности человеческой жизни и политического порядка. В итоге необходимость физического выживания стала тем экзистенциальным фактором, в корне изменившим приоритеты массового сознания, подготовив его к последующей «революционной ломке» а затем и гражданской войне.

Политическая культура предреволюционного социума становится более динамичной и открытой благодаря расширившемуся участию общества в обсуждении политических и особенно хозяйственных вопросов, например, в ходе создания мобилизационных комитетов промышленности, профсоюзов, советов. Сознание масс постепенно освобождается от веры в традиционные авторитеты, отношение к власти уже определяется не аполитичным традиционализмом, а обретает критическую и рациональную направленность, соответствующую духу эпохи модерна.

Обратной стороной этих явлений становится совершенно иная по своей направленности ситуация, когда вместе с ростками гражданской политической культуры в российском обществе начинают постепенно усиливаться архаические тенденции. Апатия традиционализма, поколебленная войной и политической пропагандой с различных флангов политического фронта, была окончательно развеяна под воздействием тягот военного времени, а на смену ей пришел массовой нигилизм. Постепенно углубляется недоверие к официальным политическим институтам, нарастает отчуждение людей от власти, относительно широкое распространение получают элементы, активно отрицающие большинство из достижений «старого режима». В этих условиях шел процесс накопления качественных изменений массовых ожиданий и ценностных установок, которые на уровне глубинных социально-психологических механизмов детерминировали многовековую эволюцию российского политического сознания.

Десакрализация власти, рост оппозиционных настроений привели к эффекту нарастающей критики «верхов» – сначала «темных сил» (правлящей династии, царской бюрократии и т.д.), а затем и всей «буржуазии». Сущность этих изменений вполне может быть описана словами Д. Пети, который писал, что «революция, не начинается с того, что некая новая могущественная сила атакует государство. Она начинается с внезапного осознания почти всеми активными и пассивными участниками, что этого государства больше нет» [6, с. 292]. Рациональный расчет, побудивший политические элиты отказаться от института монархии в условиях масштабного кризиса в пользу демократического правительства, не мог остановить на полпути грядущую национальную катастрофу, деградацию армии, экономический коллапс милитаризированной аграрно-промышленной экономики, а также выход на поверхность исторической действительности лавы накопившихся социально-политических противоречий в виде революционной активности радикально настроенных масс солдат, крестьян, рабочих и пролетариев.

В массовом сознании этого периода времени наблюдается не только коррозия традиционного верноподданнического элемента. Крах традиционной монархии также способствует окончательной девальвации буржуазного демократического государства, что, по сути, означало сакрализацию идеи революционного насилия во имя «диктатуры пролетариата». Сосуществование двух оппозиционных друг другу политических сил (Временный Комитет Государственной думы и Петроградский Совет), которое было впоследствии охарактеризовано Л. Троцким как «двоевластие», возникшее спонтанно и неожиданно, лишь отчасти соответствует исторической действительности. О «двоевластии» можно говорить лишь применительно к правительственному уровню. На местах, где за власть конкурировали не две, а сразу множество политических сил (исполни-

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

тельные комитеты, комиссары Временного правительства, советы, городские думы, земские управы и др.), такое состояние институциональной системы фактически было эквивалентно не просто ситуации «множественного суверенитета», описываемой Ч. Тилли, а анархии, что объективно означало дальнейший переход революции в стадию вооруженной борьбы [10, p. 206].

Параллельно с деградацией политической и социальной системы активно продолжалась болезненная ломка массовых стереотипов сознания. Революционный порыв февральских дней породил у народных масс, не без влияния политических партий социалистической ориентации, утопические ожидания о всеобщей справедливости, «земле» и «воле» для всех униженных и угнетенных. Атмосфера «митинговой демократии» способствовала быстрой радикализации масс, росту классовой нетерпимости, а также породила

спрос на диктатуру и насилие как единственно возможный способ наведения порядка. Из всеобщего хаоса в ожесточенной борьбе множества альтернатив победу в конечном итоге одержала наиболее сильная, организованная и прагматичная сила, чьи лидеры сумели подчинить себе стихию массовых иллюзий, направив их в русло классовой борьбы.

Монархия как форма государственной власти хотя и окончательно утратила свою привлекательность в глазах большинства населения, однако архетип вождя, верховного правителя остался органической частью общинного менталитета для рабоче-крестьянского сознания. В этой связи традиционные марксистские идеи о государстве как инструменте классового насилия становятся созвучными многим слоям общества и становятся ценностной основой институализации нового политического порядка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булдаков В. П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920-1930 гг. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 759 с.
2. Миронов Б. Н. Русская революция 1917 года в контексте теорий революции. Статья 2 // Общественные науки и современность. 2013. №3. – С. 106-115.
3. Поршинева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы первой мировой войны. – М.: РОССПЭН, 2004. – 368 с.
4. Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900-1941 гг. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2009. – 367 с.
5. Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета российского крестьянства (конец XIX-начало XX в). по материалам Среднего Поволжья. – М.: РОССПЭН, 2008. – 679 с.
6. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. – М.: Прогресс-традиция, 2004. – 480 с.
7. Яров С.В. Пролетарий как политик: Политическая психология рабочих Петрограда в 1917-1923 гг. – СПб., 1999. – 223 с.
8. Goldstone J.A. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. – Berkeley: University of California Press, 1991. – 589 p.
9. Skocpol T. States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 1979. 408 p.
10. Tilly C. From Mobilization to Revolution. – New York: McGraw-Hill, 1978. – 349 p.